VISIT…

LANZAROTE
Caliente.COM

Бертран Рассел.

РОЛЬ ИНДИВИДА.

Интервью 1959 г.

вудро уайэтт

Что Вы имеете в виду, когда говорите о роли индивида?

лорд рассел

Я думаю, в первую очередь, о деятельности, которую индивид осуществляет не как член какой-либо организации, а каким-то иным образом. Я полагаю, что существует огромное множество важных и очень полезных, желательных видов деятельности, которые до сих пор индивид осуществлял без помощи организации и которые становятся все более и более зависимы от организаций. Великие мужи науки прошлого, такие как Коперник, Галилей, Ньютон, Дарвин, не зависели от очень дорогой аппаратуры. Они были способны и делали свою работу индивидуально. Но возьмем современного астронома. Я встречался с выдающимся астрономом современности, когда был в Калифорнии, и его работа, будучи превосходной и очень полезной, полностью зависела от очень, очень мощных телескопов, которые были подарены его обсерватории неким очень богатым человеком. И он объяснил мне во время обеда, что, само собой разумеется, у него была возможность заниматься своей работой только потому, что он был в хороших отношениях с этим очень, очень богатым человеком.

И наново Ваше решение этой проблемы?

Я не думаю, что существует какое-нибудь решение этой заслуживающей особого внимания проблемы, кроме всеобщего заинтересованного желания в развитии познания. Конечно, в большой степени это только надежда, но я не вижу, что еще мы можем сделать.

Каким образом кто-либо получает право и возможность использования этого чрезвычайно дорогого оборудования?

Вы сможете использовать его только путем голосования коллег. К счастью, в науке довольно легко оценить человеческие способности. В искусстве все совсем по-другому. Поэт, или художник, или архитектор, удовлетворяющий вкусам своих современников, вряд ли будет значительным новатором в своей области и, напротив, крупные новаторы не нравятся своим современникам, то есть в искусстве это очень сложно.

Но может ли кто-нибудь пойти немного дальше в культурной и научной свободе (freedom), и что точно это значит по степени важности для общества?

Какое-то время назад я пришел к заключению, что, вообще говоря, важный импульс, стимулирующий наше поведение, может быть разделен на творческий и собственнический. Я называю импульс творческим, когда его цель — создать что-то, чего никто не смог бы сделать и что не было бы заимствовано у кого-нибудь еще. Я называю его собственническим, когда он состоит в приобретении чего-либо для себя, чего-то, что уже есть, как, например, буханка хлеба. И тот и другой выполняют свои функции, и человек должен быть в достаточной степени собственником, чтобы выжить, но по-настоящему важный импульс, когда мы говорим о сфере свободы (liberty), — творческий. Если вы пишете поэму, вы не можете помешать другому человеку писать поэму. Если вы пишете картину, вы не

Бертран Рассел.

РОЛЬ ИНДИВИДА.

Интервью 1959 г.

вудро уайэтт

Что Вы имеете в виду, когда говорите о роли индивида?

лорд рассел

Я думаю, в первую очередь, о деятельности, которую индивид осуществляет не как член какой-либо организации, а каким-то иным образом. Я полагаю, что существует огромное множество важных и очень полезных, желательных видов деятельности, которые до сих пор индивид осуществлял без помощи

организации и которые становятся все более и более зависимы от организаций. Великие мужи науки прошлого, такие как Коперник, Галилей, Ньютон, Дарвин, не зависели от очень дорогой аппаратуры. Они были способны и делали свою работу индивидуально. Но возьмем современного астронома. Я встречался с выдающимся астрономом современности, когда был в Калифорнии, и его работа, будучи превосходной и очень полезной, полностью зависела от очень, очень мощных телескопов, которые были подарены его обсерватории неким очень богатым

человеком. И он объяснил мне во время обеда, что, само собой разумеется, у него была возможность заниматься своей работой только потому, что он был в хороших отношениях с этим очень, очень богатым человеком.

И наново Ваше решение этой проблемы?

Я не думаю, что существует какое-нибудь решение этой заслуживающей особого внимания проблемы, кроме всеобщего заинтересованного желания в развитии познания. Конечно, в большой степени это только надежда, но я не вижу, что еще мы можем сделать.

Каким образом кто-либо получает право и возможность использования этого чрезвычайно дорогого оборудования?

Вы сможете использовать его только путем голосования коллег. К счастью, в науке довольно легко оценить человеческие способности. В искусстве все совсем по-другому. Поэт, или художник, или архитектор, удовлетворяющий вкусам своих современников, вряд ли будет значительным новатором в своей области и, напротив, крупные новаторы не нравятся своим современникам, то есть в искусстве это очень сложно.

Но может ли кто-нибудь пойти немного дальше в культурной и научной свободе (freedom), и что точно это значит по степени важности для общества?
Какое-то время назад я пришел к заключению, что, вообще говоря, важный импульс, стимулирующий наше поведение, может быть разделен на творческий и собственнический. Я называю импульс творческим, когда его цель — создать что-то, чего никто не смог бы сделать и что не было бы заимствовано у кого-нибудь еще. Я называю его собственническим, когда он состоит в приобретении

чего-либо для себя, чего-то, что уже есть, как, например, буханка хлеба. И тот и другой выполняют свои функции, и человек должен быть в достаточной степени собственником, чтобы выжить, но по-настоящему важный импульс, когда мы говорим о сфере свободы (liberty), — творческий. Если вы пишете поэму, вы не можете помешать другому человеку писать поэму. Если вы пишете картину, вы не можете помешать другому писать картину. Это творческие вещи, и они не делаются за счет кого-то другого. И я думаю, что такие вещи должны иметь абсолютную свободу.

Вы *полагаете, что свобода в науке и культуре (freedom) уменьшается?*
Да, она почти неизбежно уменьшается; я полагаю, возможно, не в такой степени в художественной сфере, но уж точно в научной — по причинам, о которых я уже говорил прежде. Аппаратура в науке сейчас настолько дорога, что человек не может быть Галилеем со своим собственным телескопом. Вы сами не можете построить современный телескоп.
Да, но сегодня, несомненно, существует большое преимущество в том, что многие люди, сделавшие научные открытия в прошлом,

опасались, что они лишатся головы, тогда как сейчас этого можно не опасаться.

Я думаю, это не совсем верно. Мы, как правило, не отрубаем им головы, но если они находятся в политической немилости, как это очень часто бывает, у них не будет доступа к необходимым лабораториям.

Но действительно ли существовала когда-нибудь свобода (freedom) в науке и культуре?

Нет, я так не думаю. Нет, я не думаю, что когда-нибудь она существовала. Фактически люди, которые делают важные открытия в любых

направлениях, где бы то ни было, почти неизменно вызывают огромное противостояние общества.

Вы можете привести такие примеры?

Коперник. Вы говорили о Галилее. Им обоим пришлось нелегко из-за их открытий. И Дарвин, конечно, в свое время воспринимался как совершенно безнравственный человек. Так думают почти обо всех, кто делает важное открытие.

Разве это не правильно в какой-то мере, что люди, выдвигающие предположения, которые могут быть, а могут и не быть, важным шагом вперед, сталкиваются с

сильной оппозицией? В этом случае они могут проверить свои предположения, и у нас не будет ложных теорий, которые нам навязывают.

Я не думаю, что это предотвратит появление ложных теорий, потому что правительства во всех частях света, как я слышал, предпочитают именно такие теории и поощряют их. По-настоящему ценные теории будут встречены яростной атакой оппозиции. Я думаю, это во многом отвечает на ваш вопрос. Если оппозиция не очень сурова — это стимул, но если она очень сурова, то нет. Если вам отрубить голову, это

чрезвычайно уменьшит ваши умственные способности.

Почему, как Вы думаете, многие открытия так шокировали людей?

Из-за того, что они заставляют людей ощущать собственную незащищенность. Каждое человеческое существо, так же как и любое животное, хочет жить в безопасной для него среде — среде, где вы не будете подвергаться неожиданному риску. И когда кто-то говорит вам, что что-то, во что вы всегда верили, на самом деле неверно, это для вас оказывается ужасным шоком, и вы думаете: «О! Я не знаю, на каком я свете. Когда я

думаю, что ставлю свою ногу на твердую землю, то, возможно, это не так». И вы впадаете в ужас.

Ну, это в действительности скорее влияет на открытия в области мысли, чем в практической науке. Я имею в виду, что никто не будет возражать, если будет изобретена машина для полетов на Луну.

Нет. Но все же люди, по меньшей мере некоторые, хотя и не столь многие, как я бы того ожидал, будут остерегаться машины, которая могла бы уничтожить человеческую расу, которая тоже является частью науки.

Да, но это довольно разные вещи, не так ли? Я имею в виду, что многие

последние открытия, такие как, скажем, телевидение, на самом деле не шокировали людей.

Это новейшее изобретение, но открытия, на которых основывались новые изобретения, очень часто производили эффект в области мысли совершенно противоположный, чем в области техники, и это в общем довольно сильно шокировало людей.

Вы придаете необыкновенное значение вопросу роли индивида. Почему для Вас это так важно?

Потому что все важные человеческие открытия, известные с начала нашей истории, совершались благодаря

личностям, большинство из которых сталкивалось с яростной общественной оппозицией.

Вы думаете, что страх перед общественным мнением остановил многих людей от совершения хороших и разумных поступков?

Да, общественное мнение имело очень большое влияние, особенно во времена волнений, когда вокруг царило состояние массовой истерии. Очень многие люди боялись идти против истеричной толпы, и в результате плохие вещи торжествовали там, где этого не должно было быть.

Вы думаете, это касается ученых и

людей искусства?

Да, я так думаю. Я думаю, что у ученых есть преимущество, так как иногда они могут доказать, что они правы, а художники не могут доказать этого. Художник может только надеяться на то, что другие люди будут думать так, поэтому я считаю, что художник находится в гораздо более трудной ситуации, чем ученый. Но и ученый в современном мире тоже, без сомнения, испытывает трудности, так как он может делать открытия, которые не устраивают правительство, и в этом случае его ожидают неприятности.

О, Вы думаете, он не сможет

избежать их в Западном мире?
Он может или не может. Это будет зависеть частично от его известности, частично от степени доказательства, которым он располагает, и частично от степени неудобства, которое он доставляет властям.

Как быть с людьми, которые являются скорее мыслителями, а не художниками или учеными, разрабатывающими практические вещи?
Конечно, это вопрос степени. Огромное количество мыслителей стараются не выражать публично мнения, которые принесут им

оскорбления.

А что с другими людьми, которые не подпадают под эти категории?

Приведу в пример очень известный случай, который произошел в Америке после первой мировой войны. Речь идет о двух людях — Сакко и Ванцетти, обвиненных в убийстве. Свидетельств против них было явно недостаточно, и после того как они были осуждены, небольшая группа людей была назначена исследовать улики. Среди них был президент Гарварда, и он и другие решили, что Сакко и Ванцетти были виновны, и последние были казнены. Я думаю,

что все, кто исследовал обстоятельства дела со всей беспристрастностью, понимали, что они не настолько убедительны, чтобы привести к осуждению.

Вы думаете, даже президент Гарварда знал, что они были невиновны?

Я думаю, он должен был знать. Я не могу этого утверждать, потому что не могу заглянуть ему в душу. Но я полагаю, он должен был знать.

И все дело было только в общественном мнении?

Да.

Сейчас мы подошли очень близко к главной теме, к тому, каким

количеством свободы (liberty) должен пожертвовать человек, чтобы жить в организованном обществе. Что вы скажете по этому поводу?

Я думаю, что сохранение социального порядка весьма важно. Вы должны иметь, по возможности, мир, в котором люди не воруют, не убивают друг друга и так далее и в котором изнутри вы до некоторой степени защищены средствами полиции. Я думаю, что такого рода ограничения на свободу необходимы, особенно в очень перенаселенном обществе. Рассмотрим это, например, на правилах дорожного

движения. Когда я был молод, автомобилей не было, вы могли ездить где угодно и как угодно и не беспокоиться. Сейчас же существует разработанный кодекс правил, которые вы должны соблюдать, и если вы этого не делаете, то это вызовет большие проблемы как для вас, так и для других. Причиной является увеличение количества населения в мире, в целом, а также, полагаю, и определенные национальные свободы, которые будучи в прошлом чрезвычайно ценными, сегодня стали опасными, так же как это было бы, если бы вы ездили по дорогам, не соблюдая

правила движения.

Как Вы считаете, необходимы ли какие-то новые ограничения на свободу (liberty)?

Да, конечно. Необходимы ограничения на национальную свободу, ведь есть некоторые вещи, которые просто абсурдны. Аргументы, которые использовали социалисты в защиту национализации природных ресурсов, превратились сейчас в аргументы в защиту интернационализации природных ресурсов. Наиболее очевидный пример этого — нефть. Несколько абсурдно, что очень небольшие

территории, на которых оказались очень большие запасы нефти, должны быть единственными владельцами этой нефти.

Как Вы считаете, нужно ли расширять сферу свободы (liberty)?

Необходимо расширение свободы в интеллектуальной сфере и, если бы это было возможным, уменьшение в той сфере, которую я называю собственнической.